

Ольга Тараканова

Эти глаза напротив

I.

Не будь Люба Колесова спортсменкой, можно было надеяться, что это последний год мучений с ней. Успеваемость у неё ничёмная. Даже если сдаст переводные экзамены, зачем ей в девятый? Лучше сразу в пту. Подобные, вполголоса, рассуждения можно было услышать в учительской. Но не все думали так. Может, директор, помешанный на спорте, самостоятельно дозрел до этого разговора. А может, вечно дерущий горло за Колесову физрук предварительно накрутил его жалобой на безразличие классного руководителя к судьбе его талантливой ученицы.

Анна Максимовна вышла из кабинета директора побагровевшая. Собираясь с мыслями, постояла в коридоре у окна напротив кабинета биологии, где был на уроке восьмой «Б».

«На кого в классе можно опереться? Кто дружен с Любой, сам учится не ахти. Из отличников — Сашу и Тому она откровенно презирает, остаётся только Света».

Анна Максимовна вошла, не дождавись перемен, извинилась перед коллегой, попросила Смирнову и Колесову после уроков прийти в кабинет физики.

Девчонок встретил необитаемый, молчаливый, несколько неряшливый после пяти часов занятий класс.

— Светка, ты не знаешь, зачем нас классуха оставила?

— Не знаю. Мне вообще-то ещё на кружок надо.

— У меня сегодня вообще игра! С десятым классом играем. Вот заруба будет!

— Буду держать за тебя кулачки. Когда ходили в спорткомплекс болеть за команду нашей школы, я так кричала, что голос сорвала.

— Тебе бы самой играть, у тебя рост хороший.

Вошла учительница и с ходу начала пугать экзаменами. Затем коснулась темы «чести класса» и плавно перешла к взаимопомощи и дружбе. Терпение Любки заканчивалось, ещё немного этой тягомотины — и она начнёт дерзить. Ситуацию спасла опаздывающая на свой кружок Смирнова:

— Извините, Анна Максимовна, мне в Дом пионеров нужно. А с Любой, если она не против, я заниматься согласна.

— Я не против, — отозвалась Колесова, только бы не слышать скрипучий голос «физички».

— Вот и хорошо, — завершила та свою неумелую лекцию по психологии.

Девчонки выпорхнули из кабинета. Света предложила Любе пройти до остановки с ней, чтобы договориться об их совместных занятиях. Колесовой надо было в другую сторону, но она согласилась: надо же как-то сдавать экзамены. Не успели они выйти с территории школы, как услышали топот и крики.

— Вот она! Эй, Колесо, стой! Сейчас ты ответишь за свои слова!

Люба и Света прижались к школьному забору. На них, как быки на красную тряпку, неслись три старшеклассницы. Это были девчата из команды соперниц, с которыми Люба крупно поссорилась, высмеивала их, предвещая проигрыш. Две девчонки сразу накинулись на Колесову, третья замахнулась портфелем на Свету. Далее произошло невероятное: тихоня Смирнова так врезала десятикласснице ногой, что та упала, и портфель отлетел в сторону. Её подружки и успевавшая получить вскользь по скуле Любка прекратили драку. Все стояли в растерянности, туго соображая, что произошло. Света вспомнилась первая, подала руку упавшей девчонке.

— Ничего не сломала? Тогда идите своей дорогой и не нападайте на людей, — строго посоветовала она всем троице и отступила назад к забору.

Обескураженным воительницам показалось, что Светка заняла какую-то боевую стойку. Они подняли портфели и послушно зашагали в направлении, откуда только что примчались, гонимые чувством мести. Люба была потрясена.

— Ты что, восточными единоборствами занимаешься?

— Нет, я в балетную студию хожу.

— И у вас там учат драться ногами?

— Я не знаю, как это произошло. Наверное, от страха.

— Страха-то полные штаны у девок. Клуши. Сегодня вечером набросаем им мячей полную кошёлку. Ой, мамкин автобус! Успеем?

Они заскочили в заднюю дверь. Люба сразу направилась к кондуктору.

— Мам, я со Светкой. Она будет готовить меня к экзаменам.

Кондукторша радушно улыбалась подошедшей следом Смирновой, не замечая её руку с пятаком.

— Да убери ты деньги, — по-хозяйски распорядилась Люба.

Женщина пошла продавать билеты вошедшим пассажирам.

Девчонки выяснили, что у них свободны после школы вторник и четверг. Выходные договорились не трогать.

— «Дом пионеров». Есть на выход? — донеслось из конца салона.

— Начнём с математики, русский вообще терпеть не могу, — крикнула выходящей из автобуса Свете одноклассница.

2.

«Как можно не любить родной язык?» — думала Смирнова, надевая пуанты. Она мечтала после школы поступать на филологический, преподавать русский и литературу. Балет — ещё одна её мечта, правда, несбыточная. Балетом нужно начинать заниматься с детского возраста, а она записалась в студию в начале учебного года в пятом классе. Увидела на школьной доске объявлений приглашение с фото девочки в пачке и представила себя в этой красивой юбочке. Набирали детей в возрасте восемь-десять лет; Света пошла в школу в неполные семь, день рождения у неё в декабре. Хотя никто не думал готовить в студии артистов балета, её взяли только из-за хорошей выворотности и природной гибкости. Самая высокая и самая старшая в группе, она чувствовала себя не совсем комфортно, но занятия ей нравились. Кроме станка, для детей, чьи родители были готовы оплачивать поездки группы на фестивали и конкурсы, раз в неделю преподавали танцы народов мира. Одевали эту группу тоже за счёт родителей. За три с половиной года у Светы набралось семь разных нарядов. Когда дочь в новом костюме вертелась в зале перед трюмо, мать начинала сокрушаться:

— И в кого ты удалась такая?

Светка уходила в детскую, бурча себе под нос: — В кого, в кого... В тебя, мамочка! Ни бровей, ни ресниц, на голове солома. Не то что у Нади.

И она ревностно, но с любовью принималась в очередной раз рассматривать портрет, с которого жгучими карими глазами смотрела на неё сестра.

«Хорошо тебе, ты в папу. Мне бы твои брови дугой, ресницы что опахала, а главное — чёрные, в крупный завиток, волосы. С моими только „Топотуху“ плясать. Хотя нет, главное — техника. Когда от Дома пионеров ездили в область на конкурс, в первом отделении показывали классический танец, а во втором выступали с цыганским, председатель жюри сказал руководителю, явно имея в виду меня: „По классике замечаний нет, а вот

цыганочкой в вашем коллективе можно назвать только высокую беленькую девочку“».

Надя старше Светы на семь лет, учится в областном центре на последнем курсе в институте на товароведа. Она смотрела то конкурсное выступление. Ей тоже понравилось, но тем не менее она очень серьёзно посоветовала сестре не мечтать о танцах как о профессии. Родители тоже в голос говорили:

— Пусть уж лучше учительницей будет, чем артисткой.

Мама Светы, Валентина, работала в обувном отделе универмага, отец, Николай, на стройке прорабом. Он приехал в Зеленоборск по распределению после института. Здесь влюбился в светленькую, с огромными синими глазами, продавщицу. По неизвестной Светке причине родители отца с их семьёй не общались. Бабушка и дедушка по маминой линии, в свою очередь, были против выбора дочери:

— Кого ты, Валюша, себе нашла?! Он же вылитый цыган! Настряпает тебе ребятишек и сбежит. Ищи ветра в поле!

— По паспорту Коля — русский, а вообще вы отчасти правы: его мать из молдавских цыган. Только он табора за свою жизнь ни разу не видел. А какой колоритный! У вас будут самые красивые внуки, — успокаивала их дочь.

И правда: родилась Наденька — не девочка, а куколка. Но отношения Валиных родителей с зятем не заладились. И молодые переехали в городок, который находился примерно на таком же расстоянии от областного центра, как Зеленоборск, только в другую сторону. У них родился сын, но он умер в роддоме от какой-то инфекции. Валентина и Николай долго приходили в себя после этой трагедии. Появление в семье «маленького солнышка» вернуло радость в дом.

— Светлячок ты наш, Светулечка, вылитая мамулечка, — умилялся отец похожести младшей дочери на жену.

3.

Света первой подошла к унылой Колесовой, которая после проигрыша во вчерашней встрече младшей и старшей баскетбольных команд ни с кем не разговаривала.

— Ты играешь здорово, даже лучше старшеклассниц. Вот если бы все так в твоей команде играли.

— Меня берут в сборную школы, — чуть про светлела Люба.

— Поздравляю!

— Да... фигня! С этими клушами придётся вместе играть.

— Они скоро выпустятся из школы, а может, вообще не войдут в сборную в связи с экзаменами, всё-таки десятый класс.

— Точно! Смирнова, ты — молоток! — окончательно повеселела, к удивлению всех, «гроза класса».

После уроков пошли к Светлане.

— Вот это хоромы у вас! — удивилась Колесова, подходя к воротам кирпичного особняка, а войдя вовнутрь, даже оробела.

Дом Смирновых был как благоустроенная квартира: местное отопление от котла, санузел в доме, на кухне в кране холодная и горячая вода, ровные потолки, красивые обои.

Люба выросла в бревенчатом домике с печным отоплением и с удобствами во дворе. Потолок и стены в доме дважды в год забеливались известью с добавлением синьки или бирюзовой краски, купленной на рынке, расфасованной в четвертинку газеты. У Любы был один на двоих с братом письменный стол и одна на двоих с матерью железная кровать. Брат спал в той же комнате, что и они, на диванчике. Кровать бабушки стояла в кухне возле русской печки.

— Проходи. Мама с папой на работе, но мы сами себе не дадим умереть с голоду. Сейчас посмотрим, что у нас есть в холодильнике.

Колесова села за овальный обеденный стол, который, вероятно, был частью кухонного гарнитура. Через открытую в зал дверь было видно край мебели стенки. У Смирновых было красиво, как в музее. Люба каждый раз сожалела, что у Светы отдельная комната, куда они уходили, наспех перекусив бутербродами с чаем. Хотелось рассмотреть весь дом, но нужно было заниматься.

Девчонки договорились ходить друг к другу по очереди. Следующий раз отправились грызть гранит науки к Любе. Она жила в пределах того же квартала, что и Света, только на две улицы дальше. В семье Колесовых, так же как и у Смирновых, было три женщины и один мужчина — младший брат Любы, который учился во вторую смену. Так что на момент прихода девочек дома была только баба Соня, встретившая их, дымя сигаретой без фильтра. «Ну и бабка у Любы!» — промелькнуло в голове у не умеющей скрывать эмоции Светланы. Щуплая, морщинистая старушка, смешливо поблёскивая блёкло-голубыми глазами, вместо ответа на еле слышное приветствие гостьи ошарашила её вопросом:

— Ты, девонька, курить ещё не пробовала?

— Нет, — выпалила, выпучив на неё свои синие глаза-блюдца, не отходя от вешалки, Светка.

Казалось, что она сейчас опять напялит на себя своё модное пальто и сиганёт за порог. Бабуля, гася окурок у плиты, невозмутимо продолжала:

— А наша-то спортсменка проявляла интерес. Да только я вмиг её образумила. Рука у меня ой какая тяжёлая.

— Баба, ну хватит! — не выдержала пресинга Любка. — Проходи в зал, — указала она

однокласснице в направлении комнаты, одновременно служившей спальней матери с детьми.

Комната, в которой они ещё находились, являлась прихожей и кухней.

— Не торопитесь. Голодные, поди? На плите щи, чайник горячий, — сказала бабулька, убирая со стола плоскую ярко-красную пачку «Примы». Доставая из шкафчика чашку со стряпушками, продолжила, обращаясь к Светлане: — Я, девонька, тоже не с сигаркой в зубах родилась. Уж за тридцать было, когда курить начала. Как похоронку на Любашкина деда получила, взвыла на всю округу. Женщины-то уже знали: лучше сейчас не трогать горемычную, пусть прокритичится. Дед Тимошка, сосед, не выдержал моего рёву, притёпал, а что делать, не знает. Хвать своё козье коленце да мне в открытый рот: «Курни, дочка, легче станет». Я непроизвольно вдохнула, причитания сменились кашлем до посинения. Отдышалась — деда след простыл. Самокрутка на полу валяется, не дымится уже. Прибрала я её. Как комок к горлу подкатит, так достаю, прикуриваю. Раза за три изничтожила, потом сама завёртывать научилась. Махоркой было разжиться легче, чем куском хлеба.

Люба поставила на стол тарелки с наваристыми щами. В большой чашке с одного края лежали румяные пироги, с другой — шаньги с творогом. Девчонки, хотя и ходили в школьную столовую на большой перемене, за еду принялись с аппетитом. Баба Соня ушла в зал, к концу их трапезы вернулась с альбомом.

— Вот он, мой Мишенька, тридцать два годочка тут ему.

Света внимательно всмотрелась в черты крепкого молодого мужчины на пожелтевшем фото и вдруг вскинула взгляд на одноклассницу:

— Люба, ты очень похожа на дедушку.

— Только лицом. А так — куда там! Михаил был степенный, а эта егоза вся в меня. Ох, я была — огонь! Могла ещё не раз замуж выйти, да только лучше Михаила не встретила, а хуже на что мне? Так всю жизнь и живу с дочкой, с внуками.

— Ладно, баб, нам заниматься надо.

— Учитесь, учитесь, девоньки. Без образования никуда сейчас.

4.

Смирнова взялась за навёрстывание пробелов в знаниях «спортивной надежды школы» очень серьёзно, иногда даже жертвуя частью воскресного дня. Люба стонала, но подчинялась настойчивости одноклассницы. В результате обе успешно сдали экзамены и были переведены в девятый класс.

Начались каникулы. Подружки Светланы разошались: кто с родителями в отпуск, кто к бабушке в деревню. А её бабушка жила в городе, да к тому же работала. Нет, она давно вышла на пенсию, но после смерти дедули вернулась на родное

предприятие. Прежде она работала в бухгалтерии, теперь её взяли на вахту, да и то по старой памяти. Бабушка спасалась среди людей от навалившегося одиночества. Когда был жив дед, Света иногда гостила у них. Теперь ехать в Зеленоборск, если только она не решила одна в городской квартире бабушки умереть от скуки, не имело смысла.

Колесовой ехать было не к кому. Её отец давно сбежал от них, а брат вообще безотцовщина. По выражению бабушки, мать принесла мальчонку в подоле. Но Люба не от скуки отправилась к однокласснице. Во-первых, она настолько привыкла к общению со Светой, что ноги сами вели её к дому Смирновых. А во-вторых, в городском парке начались танцы под вокально-инструментальный ансамбль, в котором играет Любин знакомый — Эдик. Он приглашал её сегодня, даже контрамарку дал. Но как идти одной в парк? Вся надежда на Смирнову. А вот и она, поливает цветы в палисаднике.

— Привет, Светик!

— Ой, привет! Ты что такая серьёзная? Пойдём в дом, я тебя с сестрой познакомлю.

— Не-е, разговор есть без свидетелей.

Люба не знала, с чего начать. Если сказать про Эдика, подружка может не пойти. А если не сказать, как потом объяснить наличие контрамарки? Решила просто позвать с собой, а дальше видно будет.

— Свет, пойдём в парк на танцы?

— Меня не отпускай.

— А ты скажи, что пошла ко мне.

— Отец узнает — попадёт и за танцы, и за враньё.

— Откуда же он узнает?

— Хотя бы по моему виду, я же в этом сарафанчике на танцы не пойду.

— Надень брюки и рубашку.

— Ага, и пойдём картошку окучивать.

— Это самая модная одежда этим летом! Только нужно низ брючин распустить на бахрому, а рубашку завязать узлом под грудью.

— Что-то я не слышала про такую моду.

— Это одежда хиппи. Сейчас в центре вся молодёжь хипшует, и у нас уже некоторые так ходят.

— Интересно.

— Иди переодевайся. На билет тридцать копеек возьми. У меня дома распорем низ твоих брюк и выдержаем поперечные нити, сколько успеем. Я скажу, что мы — к тебе, и свалим.

Свете не хотелось обманывать родителей, но любовь к танцам, любопытство, как они проходят в парке, и желание быть причастной к неведомым модным хиппи взяли верх.

Музыку было слышно ещё на подходе к парку. Сердца девчонок взволнованно стучали в ритме быстрого танца. Люба протянула контролёрше клочок бумаги с печатью. Светка не глядя высыпала в подставленную ладонь женщины мелочь

и, хлопая белёсыми ресницами, незамедлительно спросила подругу:

— А что это у тебя?

— Идём, — потащила та её к сцене, — это контрамарка, выдаётся в течение вечера тем, кто выходит с танцплощадки прогуляться, покурить, в туалет.

— А где ты её взяла?

— Смотри, видишь парня с бас-гитарой, ну, который ближе к нам? Он дал.

— А он тебе кто?

— Это мой парень — Эдик. Мы с ним уже два раза встречались.

Участники ансамбля по сторонам особо не смотрели. Это на них восторженно смотрели многочисленные поклонницы. Те, что посмелее, оккупировали край сцены, сидели важно, считая себя на танцплощадке главными. Люба уловила момент, перехватила взгляд бас-гитариста и помахала ему рукой. В перерыве Эдик подошёл, поболтали пару минут, и он отправился следом за парнями на перекур.

Во второй части девчонки попрыгали под «Синий иней» прямо у сцены вместе с толпящимися здесь девушками пятнадцати-семнадцати лет. Люба успела занять себе место, Света стояла рядом. Она уже несколько минут ощущала затылком чей-то пристальный взгляд. Оглянулась и ментально отвернулась, оробев, повстречавшись взглядом с чёрными глазами незнакомца. Она не успела толком рассмотреть парня, стоящего у сцены на другом конце, где стоят лавочки, расположенные по всему периметру танцплощадки до самого входа. Но она больше не обернётся, наоборот, сейчас за кем-нибудь спрячется от его магнетических глаз. Люба звала её на быстрый танец.

— Нет, не хочу. Можно я посижу немного на твоём месте? Ноги устали.

Колесова потеснила соседок. Света втиснулась. Она, конечно, обманывала подругу. Её ноги так и просились на тур вальса. «Эти глаза напротив», — пел солист ансамбля, по кругу вращались немногочисленные пары, кучка молодёжи танцевала в центре «медляк». Света вообще не понимала, как можно назвать танцем это переминание с ноги на ногу. Только отзвучал вальс, сразу объявили белый танец. Женская половина кинулась приглашать понравившихся юношей, подружки сели посвободнее. Смирнова успокоилась, стала рассматривать танцующих.

Кто это двумя руками держит за талию обесцвеченную, с пошлым начёсом, девицу? Нет сомнений, это он! Очень взрослый, симпатичный, если не сказать — красивый. И хоть смотрит он на свою перезревшую партнёршу совсем не так, как смотрел на неё, Свету покорило, настроение испортилось.

— Люба, пойдём домой, уже темно, меня потеряли.

— До конца минут десять осталось!

Но Смирнова уже спрыгнула со сцены и направилась к выходу.

5.

Возвращаясь из парка, подруги всю дорогу молчали. Колесова злилась больше на себя: «Весь вечер мечтала, как Эдик пойдёт провожать, а сама ушла, не дождавшись окончания танцев!» Света пыталась разобраться в своих эмоциях, старалась понять, что с ней происходит.

Смирновы не спали. Отец курил на крылечке. Мать и сестра сидели на лавочке у ворот. Они поднялись навстречу подходящим к дому девочкам.

— Говорила же я тебе, что ничего с ней не случилось, придёт. Постой, — остановила мать Надежду и дала выход переживаниям. — Ты где была? Мы уже хотели идти тебя искать, — напустилась она на Светку.

Люба ответила за подругу:

— Мы были на улице возле нас.

— Люба, а ты не боишься по темноте ходить? Может, проводить тебя?

— Нет, спасибо, я всегда поздно гуляю.

— Ну, беги, а то мать волнуется.

— Мамка давно спит, ей в пять вставать на работу. До свидания.

Подождали, пока силуэт Колесовой исчезнет в глубине неосвещённой улицы, молча пошли в ограду. Валентина переваривала ответ четырнадцатилетней девочки. Отца на крыльце уже не было. Он в доме сидел в кресле, добавив к естественной серьёзности строгих красок. Светка интуитивно жалась к сестре: Надя окончила институт, перейдя в разряд взрослых членов семьи. Вдруг мать всплеснула руками:

— Ой, батюшки, что это на тебе?

— Этим летом так носят, так хиппи одеваются, — неуверенным голосом пролепетала дочка.

Надя рассмеялась:

— Хиппи в джинсах ходят! В Америке они рабочей одеждой считаются, а у нас люди фарцовщикам за них бешеные деньги отдают, — адресовала последнюю фразу она для матери.

— А я-то думаю, что у нас в универмаге такой ажиотаж вокруг этих джинсов?

— Мама, ты что, не взяла?!

— Твоего размера, Надюша, не было. Привоз был в подростковом отделе. Ну всё, разоблачили вы меня, думала придержать до дня рождения этой гулёне.

— Мамочка, кто же меня зимой в них увидит?!

Я честно ничего не буду просить в декабре, — забыв про всё, запрыгала вокруг матери Светка.

Валентина достала из комода пакет:

— Примерь. Если в поясе широки, ремешок можно вставить.

Женщины так были заняты дефицитной вещью, что забыли про присутствие в комнате отца.

— Этой гулёне бы всыпать, — подал он голос из кресла, — а она подарки ей дарит!

Валентина постаралась принять строгий вид и принялась наставлять дочь:

— Свои брючишки с бахромой выбрось. Рубашку на все пуговицы застёгивай, никаких узлов, показывать живот — неприлично.

Светка, уже облачённая в обновку, сияя от счастья, обхватила мать за шею:

— Торжественно клянусь, — и, чмокнув в щёку, поблагодарила: — Спасибо, мамулечка.

Мать поцеловала её в ответ и с нотками извинений в голосе обратилась к Наде:

— Немного подожди, доченька, и тебе возьмём. Скоро будет поступление в отделе у Лизы Кодряну, она за туфельками ко мне недавно приходила. Главное, чтобы привезли джинсы да был твой размер.

— Да ладно, мама. Вы с папой мне шикарный подарок сделали. Что может быть лучше поездки по туристической путёвке?!

Настроение Валентины в который раз за вечер переменялось:

— Ой, не успела приехать и опять уезжаешь!

— Что ты, мать? Уезжает ещё через два дня и не на год, — взялся успокаивать жену Николай.

В семье наступили мир, всеобщее чувство взаимного обожания и... сон.

6.

Девчонки еле дождались следующих танцев. Люба, якобы на фильм, выпросила у матери тридцать копеек. Сегодня-то она не упустит свой шанс. Эдик, на которого пялится как минимум пятая часть всех девчат на танцплощадке, пойдёт провожать её. Свете не терпелось продемонстрировать всему миру джинсы. Родителям она сказала, что они идут с Любой в кинотеатр на вечерний сеанс. Подруга про джинсы её не расспрашивала, старалась не выдавать свои тайные чувства. А она тоже умела держаться скромно — во всяком случае, не хвасталась обновкой.

Девчонки заняли элитные места на краю сцены. Света непроизвольно стала изучать публику. Признавшись себе, что ищет черноглазого незнакомца, устыдилась и прекратила рассматривать юношей. Они с Любашей выходили почти на все быстрые танцы, медленные сидели, отказывая подходящим к ним кавалерам. Объявили перерыв. Эдик разговаривал на сцене с солистом.

— Видишь ромашку в «фирме»?

— Это Любина подруга, они в прошлый раз были вместе.

— Так, может, пригласить после танцев девочек в ресторан? С пóнтом — у меня день рождения.

— Забудь, они выглядят только взросло, на самом деле малолетки.

— А ко мне-то мы их пригласить можем?

— Попробуем.

Эдик помахал девчонкам рукой, приглашая на сцену. Люба готова была бежать, но Светку было не сдвинуть с места. Парни сами спустились к ним.

— Привет! Знакомьтесь, лучший голос нашего города — Семён...

— Просто Семён, — перебил его солист.

Девчонки по очереди представились.

— Тут такое дело: у Сени день рождения, и он приглашает после танцев продолжить вечер у него.

— Ну, если не долго.

Люба умоляюще смотрела на Смирнову. Та была как сталь.

— Поздравляю. Но после танцев мне бегом домой нужно, — без тени сожаления сказала она.

Семён пустил в ход тяжёлую артиллерию:

— Да мы посидим всего часок, угощу вас миндалём в шоколаде, «Битлов» послушаем.

Теперь Колесова уже точно решила: она пойдёт даже без Светки, — но всё же сделала последнюю попытку:

— Соврёшь, что мы погуляли после кино.

Парням уже нужно было идти продолжать работать.

— Надемся, что вы не огорчите именинника, — сказал Эдик, подмигивая Любе.

Подруги продолжили разговор тет-а-тет.

— Я не пойду. И обманывать больше не буду. Сегодня признаюсь родителям, и пусть делают со мной что хотят.

— А я пойду, пусть с меня мамка хоть шкуру снимет.

— Ты оставишь меня одну?!

— Не дави на мозоль. У тебя дома проигрыватель, магнитофон, пластинки, записи. А я где «Битлз» слушаю?

— У меня.

— Что, и «Битлз» есть?!

— Нет, но в декабре будет.

— Жди сама до декабря. А сегодня или иди со мной в гости, или возвращайся одна.

Светка была готова разреваться, но в это время перед ней возник он, серьёзный, вежливый, лишь в глазах смешинки. Она поняла, что больше не боится незнакомца — напротив, рада встрече. Он пригласил её на танец. Моментально забылась трудный разговор с Любой, которая осталась в одиночестве возле сцены. Забылась неприязнь к медленному танцу. Рядом с партнёром, обнимавшим правой рукой за талию, а в левой державшим её ладонь, было уютно и надёжно. Всё вокруг перестало существовать, только они и музыка.

«Пусть я впадаю, пусть, в сентиментальность и грусть, воле моей супротив — эти глаза напротив!» — пел солист. Света опомнилась:

— Это же вальс!

— А я не умею танцевать вальс. Научишь?

— Это просто. Нужно считать: раз, два, три.

Уже закончился танец, а она продолжала объяснять:

— Нужно мысленно нарисовать треугольник на полу и двигаться по нему, поворачиваясь в каждом углу: раз, два, три.

Люба негодовала: «Ну, скромница! Пошла танцевать с каким-то стариком. Стоит, болтает увлечённо с ним. Это она мне назло. Вот пусть и топает с ним домой!» Она вышла с танцплощадки и стала наблюдать за Светой через узорчатое ограждение.

Светлана в сопровождении своего партнёра спокойно дошла до сцены, но, не увидев там подругу, заволновалась, стала смотреть по сторонам. Парень, что танцевал с ней, что-то спрашивал — похоже, успокаивал. Потом они пошли по кругу, видимо, искать её. Ещё немного постояли у сцены, потом он снова пригласил Свету танцевать. Люба видела, как они вместе ушли с танцплощадки. Она поспешила к убирающим со сцены аппаратуру музыкантам. Узнав, что «ромашка» с кем-то ушла, Семён помрачнел и сразу же придумал отговорку:

— Извините, друзья, что-то я сегодня устал.

Люба поняла, что с миндалём в шоколаде и «Битлами» ей облом. Правда, Эдик её проводил до дома.

7.

Света не заметила, как они с Сергеем дошли до её дома. Из темноты послышался строгий голос матери:

— Девочки, это уже слишком! В кинотеатре последний сеанс давно закончился. Мы с отцом все на нервах! Я все глаза просмотрела.

— Добрый вечер, тётя Валя, — услышала она мужской голос в ответ.

— Это ещё что такое?! Я тебе сейчас покажу тётю. Николай, иди сюда!

— Вы не узнали меня? Я сын Елизаветы Кодряну. Вы с ней вместе в центральном универмаге работаете. А я вас узнал.

Рядом с Валентиной возник Светкин отец. Тонком, не допускающим возражений, распорядился:

— Марш в дом, киношница! А ты, молодой человек, забудь сюда дорогу, чтобы я тебя близко со своей дочерью больше не видел. Знаешь, сколько ей лет?

— Что же вы её на танцы в парк одну отпускаете? Спасибо бы сказали, что проводил.

— Коля, это сын Лизы Кодряну.

— Сергей, — протянул мужчине руку юноша.

Николай, то ли от растерянности, то ли от нежелания знакомиться, руки не подал.

— Ты, это... спасибо, конечно, что проводил Свету. Ну а всё остальное — как было сказано.

— Всего доброго. До свидания.

Молодой человек растворился в темноте, как будто его и не было. Светка в своей комнате ждала родительской расправы. Смирновы-старшие, стоя у калитки, спрашивали друг друга:

— Что делать-то будем?

Валентина была за метод убеждения:

— Поговорить надо спокойно, без угроз. Не маленькая уже, должна понять всю опасность своего поведения.

— Не маленькая! Вымахала, взрослые кобели провожают, а ума что у курицы!

— Смотри, строжись, но не переги. Не бита ни разу в жизни, да боится нас, врёт. А накажи — что будет?

— Я тогда не знаю! Сама говори с ней. Только потом не реви и за сердце не хватайся!

— Коля, я думаю, что Свету с толку сбивает одноклассница, Люба. И Надя уехала, просмотреть за ней, пока мы на работе, некому. Может, её к бабушке отправить?

— А у бабушки там есть кому присмотреть?

— Но там не будет негативного влияния Любы. Наша одна ни за что в парк не пошла бы.

— Надо позвонить сначала в Зеленоборск, тёща ведь работает.

— Я всё решу. Ты только Светланке вердикт вынеси.

Родители вошли в детскую только что не в судебных мантиях. Начала мать:

— Света, мы знаем, что ты не спишь. Сядь, послушай.

Дочка завернулась в покрывало, села на кровати, прижавшись спиной к стене, поджав ноги и опустив голову в колени. Сердце Валентины жалось.

— Доченька, как ты оказалась одна в парке? Вы же с Любой пошли в кино.

— Я сама хотела сегодня всё рассказать.

— Что всё? — напрягся отец.

— Что обманула вас, — выдавила из себя Света и разревелась.

Она сквозь рыдания обрывками выдавала родителям информацию.

— Вы бы не отпустили... А на танцплощадке... даже с нашей школы есть... У Любы там парень в ансамбле... А меня Серёжа пригласил на танец... и проводил потом... — всхлипывала и растирала по нежным щёчкам солёные ручьи дочь.

Николай поспешил закончить эту пытку женскими слезами:

— Ладно, успокойся. Где-то в середине следующей недели отправим тебя к бабушке.

— Что там делать? — возразила, шмыгая носом Света.

— Дома сидеть! Не будешь врать! И не реви! — начал заводиться отец.

На выручку подоспела мать:

— Всё. Поздно уже. Давайте спать.

Света не заметила, как уснула. Она заспала драму вчерашнего вечера. Поднялась часов в девять. Отдёрнула шторку. Какой чудесный день! Но тут, словно грозовые тучи, поползли воспоминания.

«В середине недели к бабушке! А Серёжа? Он предлагал поехать на озеро. Вот дурёха, отказалась! Что же делать? О! Где телефонный справочник? Так, Кодаровский... Кодинская... Вот, Кодряну».

Набрала номер. Сердце стучало, как отбойный молоток. На том конце взяли трубку:

— Алло... Говорите!

Светка собралась с духом:

— Сергей, здравствуй. Сегодня такое солнце с утра.

— Светлячок, ты?! Тебя там не убили, котик?

— Меня к бабушке отправляют.

— Когда?

— Наверное, в среду.

— До среды у нас уйма времени! День правда будет жаркий. Что, махнём на озеро?

— Ага.

— Я часам к одиннадцати заеду за тобой.

— Хорошо, — быстро согласилась Света, чуть не взвизгнув от радости.

Положила трубку и закружилась по комнате, почти выкрикивая слова песни:

— Эти глаза напротив — калейдоскоп огней...

На обеденном столе лежала записка: «Светочка, свари себе пельмени. Никуда не ходи. Подумай, что из вещей будешь брать с собой к бабушке». Разорванная записка полетела в мусорное ведро. Пельмени булькнулись в кипящую воду. Из шкафа был извлечён купальник, который тут же оказался под сарафанчиком на тоненькой точёной фигурке самой счастливой девочки в этом безоблачном мире.

Без пяти одиннадцать под окном раздалось долгожданное тарактение. Сергей протянул появившейся Светлане шлем. Она села позади, обхватив его за спину. Сопrotивляющийся скорости мотоцикла воздух обдувал с боков и норовил поднять подол. Показалось озеро, вдоль берега кишашее людьми. Во все стороны от загорелых тел разлетались брызги. Стоял гам из обрывков фраз, визга и смеха. Света, и не подумав стесняться, скинула сарафанчик. Через минуту они за руку с Сергеем уже бежали к воде.

Дома Света спрятала ещё влажный купальник. Достала платье, джинсы, рубашку, халат, всё стопочкой сложила на краю постели.

На следующий день с самого утра ждала звонка, а дождавшись, вылепила, не поздоровавшись:

— Я завтра уезжаю на две недели.

— Не грусти, Светлячок. Сегодня встретиться не получится. Я ухожу в рейс. Ты продикуй мне адрес бабушки. Обратный билет не берите. Я приеду за тобой, котик.

Он не приехал. Бабушка отправила внучку поездом. Дома Света выдала себя с потрохами:

— Мама, Серёга Кодряну обещал приехать к бабуле за мной и что-то потерялся. На звонки не отвечает. Ты не можешь узнать у тётки Лизы, где он?

— Это ещё что за новости? Забудь думать о нём. Лиза говорила, что он женился.

Света убежала в свою комнату, упала на кровать, уткнулась лицом в подушку. Она по жизни была плакса, чуть что — в слёзы, но такого не было ни разу. Она плакала навзрыд, с жутким подвыванием, никак не реагируя на прибежавшую следом мать.

— Господи! Что случилось? Что ты кричишь как по покойнику? Света, иди попей водички! — Валентина подняла дочь, прижала к себе. — Светочка, Светочка, давай попьём водички. Ну пойдём на кухню.

— Мамочка, я не хочу жить! — простонала дочь, и у неё началась вторая волна истерики.

Это продолжалось почти сутки. Девочка отекала от слёз, осипла от крика. Наконец замолчала, но из комнаты не выходила, от еды отказывалась. Валентина капала ей и себе успокоительное, не зная, что и думать. Ничего не добившись от дочери, начала с другого края.

— Расспроси у своего сына, что у них было с моей Светланой, — подошла до работы она к Елизавете.

Та, чуть не села где стояла.

— А что у них могло быть? Ты думаешь, что он испортил девочку? Он не самоубийца. Он же ездил к этой, Господи прости! Доездили! Та, не будь дурой, залетела и женила его на себе.

— Светка из-за этого и ревет белугой, голодовку устроила. Влюбилась, наверное.

— Серёжка тоже переживает. Но там ребёнок будет, родная кровь, не бросишь. Света ещё дитя, скоро снова будет прыгать стрекозой. А мой-то жизнь себе исковеркал.

— Ладно, Лиза, извини. Пойду работать.

Вечером Валентина приготовила любимое блюдо дочери, пришла в детскую с тарелкой, села на кровать, стала делить вилок на маленькие кусочки ароматную порцию запеканки с румяной корочкой.

— Я с тёткой Лизой разговаривала. Сергей тебе голову морочил и одновременно ездил к женщине, своей ровеснице. Теперь совсем к ней в областной центр перебрался. У них ребёнок будет. Забудь его. У тебя вся жизнь впереди. Поешь немного. Вон, щёчки провалились, под глазками синё. Поверь, всё образуется.

Она оставила на постели возле дочери тарелку и ушла.

Света голодовку прекратила. Истерики больше не устраивала и вообще не плакала. Но никуда

далее ограды не ходила, не слушала музыку, не смотрела телевизор, почти не разговаривала. Уже дней десять единственным её занятием было чтение книг, газет, всего, что попадалось под руку. Неожиданно она объявила родителям, что не пойдёт в девятый класс, а будет поступать в техникум на специальность «Промышленное и гражданское строительство». Мать и сестра стали отговаривать. Отец, услышав название родной специализации, занял сторону дочери:

— В строительстве тоже люди работают, и женщин, между прочим, там хватает.

— Как её одну в большой город отпускать?

— А как мы Надю отпустили?

— Пап, ну ты сравнил! Мне уже семнадцать было.

— Что она там — одна такая будет? Поселят в общежитии со сверстниками. Там за ними воспитатели присматривают. Мы навещать будем.

— Да не её это! Вот помани моё слово, не будет она учиться.

— Пусть только попробует бросить! — ответил жене Николай, при этом строго глядя на дочь.

— Ладно. Потом можно будет в институт пойти, вторую специальность получить, — уступила Валентина.

Ю.

Поступила Света легко, первую сессию сдала хорошо, но учиться в техникуме ей не нравилось. Почти полгода она надеялась где-нибудь на улицах областного центра повстречать Сергея. Разочаровалась, разуверилась. Разве в таком большом городе это реально?! После зимних каникул ей не хотелось уезжать из дома. Но что она скажет родителям? Решила доучиться год, потом забрать документы. Может, возьмут назад в школу, а если нет, можно поступить в педучилище.

Света к соседкам по комнате привыкла, девочки подобрались хорошие. А вообще в группе больше ребят. Нужно купить им на двадцать третьих февраля открытки. Она шла в магазин канцелярских товаров и неожиданно столкнулась с Сергеем.

— Светлячок! Ты откуда здесь, котик?

Сколько раз она представляла их встречу, думала, что скажет, о чём спросит. А сейчас к горлу подкатил комок. Света еле держалась, чтобы не зареветь.

— Я опаздываю, — резко буркнула она и быстро зашагала прочь, дошла до угла и побежала.

За ней никто не гнался, но остановиться она не могла. Ей хотелось убежать на край света от накативших с новой силой, уже почти год мучивших её чувств.

Света остановилась в незнакомом месте, в частном секторе. На пустынную улицу из проулка вывернула девушка.

— Скажите, как пройти в центр?

— Света! Как ты тут оказалась?

— Рита! Я заблудилась.

— Да, нет, я имею в виду, что ты в этом городе делаешь?

— Учусь в техникуме.

— А живёшь в общежитии?

— Да. А ты?

— Я работаю секретарём-машинисткой, живу на квартире. Хозяева в доме, а я во времянке. У меня даже вход отдельный, из переулка. Пойдём ко мне, поболтаем.

Времянка глухой стеной выходила в переулок, в сторону хозяйского огорода смотрели два оконца. Внутри она была разделена перегородкой на две части. В первой — у входа вешалка, напротив печи, с другой стороны умывальник и стол. Во второй — диван-кровать, шифоньер с двумя створками и в углу крошечный телевизор на тумбочке.

— Светочка, может, ты ко мне переедешь?

Мне одной скучно и даже немного страшновато.

— Воспитатель сразу родителям сообщит.

— Ты предупреди девочек в комнате. Будешь появляться там иногда, никто ни о чём не догадается.

Из общежития уходить не хотелось, но и Риту было жалко. Жить тут одной, конечно, жутко. Маргарита летом скрасила проживание Светланы в ссылке у бабушки. И общаться с зеленоборской подружкой было интереснее, чем со сверстницами.

Теперь с Ритой они проводили вместе не так уж много времени. Утром подъём — и сразу на учёбу, на работу. Лишь вечером топили печь, готовили ужин, обменивались новостями. Одну половину выходных проводили порознь, чистили пёрышки. Зато другую посвящали посещению кино, музеев, театра, выставок. Восьмого марта даже ходили на вечер в городской Дом культуры. После концерта состоялись танцы. Свете подарили плюшевого зайчика за первое место в конкурсе на лучшее исполнение цыганочки.

Занятия Смирнова не пропускала; случалось, опаздывала, но это большим криминалом не считается. В общежитии её никто не потерял, хотя появлялась она там раз в неделю: помыться в душе, переодеться, постирать.

Света начала привыкать к жизни на два дома и к бытовым неудобствам. Ей начинала нравиться тишина безлюдного переулка. Любимым занятием стало сидеть в темноте возле печки и смотреть на огонь, пробивающийся сквозь щели в печной дверце. Света представляла себя в степи у костра, не хватало только звёздного неба над головой. Она не знала, откуда к ней явилось это сравнение, она ведь даже в поход ни разу не ходила. А на улице становилось всё теплее — значит, эти волшебные вечера скоро закончатся.

Обычно после банно-прачечного моциона Смирнова оставалась ночевать в общежитии. В этот вечер уехала. Подходя к времянке, услышала

мужские голоса. Хозяйка жилища сидела в компании двух парней. Было накурено, на столе стояло спиртное.

— Светик, присоединяйся, знакомься, — как ни в чём ни бывало встретила её Рита.

Света, не снимая курточку, шмыгнула во вторую половину. Возвращаться в общежитие было поздно, оставаться здесь — неприятно. Навалилось чувство тревоги.

— Иди поешь.

— Я не голодная.

— Посиди с нами, Рома нам на гитаре сыграет.

— Поговорите, я сейчас, — парень отложил гитару, встал из-за стола, подошёл к Свете, сел на диван рядом с ней.

— Я видел тебя в Доме культуры. Ты здорово пляшешь, не каждая таборная цыганка так сможет.

— Ты знаешь, как пляшут таборные цыганки?

— У меня есть друг в таборе. Я был несколько раз у них.

— Ты это серьёзно? Не шутишь?

— Серьёзно. Они зиму живут в какой-то деревне, а с наступлением тепла садятся в кибитки и кочуют до следующих холодов, где-то останавливаются, разбирают шатры. У нас возле реки стоят каждый год, пока милиция не шугнёт.

— Вот бы посмотреть.

— Могу взять с собой. А ты давно здесь живёшь?

— Второй месяц.

— А занимаешься чем? Работаешь или где-то учишься?

— В политехническом, на первом курсе.

— Почему в общежитии не живёшь? Выгнали?

— Нет, у меня там место есть. Просто мне Риту жалко, она здесь одна боится.

— Роман еле удержался, чтобы не рассмеяться.

— А Маргариту откуда знаешь?

— Познакомились, когда я в Зеленоборск ездила. Она в одном доме с моей бабушкой жила, в соседнем подъезде. Рита очень общительная.

— Да, что есть, то есть. Только общаться я тебе с ней не советую.

Роман вырос в деревне. Сейчас, глядя на эту наивную девочку, ему вспомнилось, как у них в мороз отелелась корова, пришлось взять телёнка в избу, отгородив ему угол. У телёнка были такие же, как у Светки, огромные глаза и длинные бесцветные ресницы. Он плохо стоял на ногах, но пытался прыгать. Это было очень забавно. Проголодавшись, звал свою маму: «Му-у». Тогда мать Романа наливала молока в бутылку, на которую надевала длинную, как сосок коровы, соску, и кормила его. Смотреть на него было радостно. Светлое чувство из далёкого детства пробудилось в душе Романа. «Эх, наивная простота! Ритка сломает тебя, как пруттик, подложив под кого-нибудь из своих дружок», — думал он, глядя на Свету. Она смотрела на него ничего не понимающими глазами.

— Завтра же чтобы тебя здесь не было, — сказал Роман, поднимаясь с дивана.

За перегородкой захмелевший друг встретил его со смешками:

— Не уговорил? Метод, видно, не катит.

— Рома, сыграй.

— Потом, Ритуля, в другой раз. Гоша, поднимайся. Дела не ждут, пойдём.

— Гоша, не торопись. А ты хочешь — иди один, нам кайф не ломай.

Но Гоша уже опрокидывал стопку на посошок:

— Молчи, женщина. Друган сказал — валим, значит, всё, картина Репина. За наколку мерси.

— Скатертью дорожка! — обиделась Маргарита.

Не дождавшись, пока гости уйдут, направилась за перегородку.

— Светик, ну ты что надулась? Они нормальные парни. Ромка обалденно играет на гитаре. Что он тебе тут втирал?

— Compliments говорил, про табор рассказывал.

— Я тоже слышала, опять цыгане прикочевали, на старом месте остановились. Давай спать, что-то меня развезло.

II.

Утром Света сложила в сумку все свои конспекты. Это не вызвало никакого подозрения. Вещи она свои сюда не перевозила. На верёвочке возле печки осталось висеть её полотенце и в тумбочке какие-то мелочи. Рите ничего не сказала. Отправилась к ней объяснить только через двое суток. Решила сказать, что воспитатель её вычислила и поставила на контроль.

В проулке, возле выпустившего клейкие листья тополя, стоял Роман. Света окликнула его:

— Что, Риты нет дома?

— Иди сюда. Я же сказал тебе: больше не появляться у Марго.

— Я только предупредить, что буду жить в общежитии.

— Она сама догадается. Пойдём в табор?

— Ага. Только на секунду заскочу, своего зайчонка заберу, а то я позавчера утром про него совсем забыла.

— Не ходи туда. Там шмон. Хозяев Риткиных обокрали. Она среди подозреваемых.

— Рита-то тут при чём?

— Вроде только она знала, что они уезжали.

— Ерунда какая-то. Может, ещё кому сказали и забыли?

— Может, и ерунда, только забудь, что жила с Маргаритой какое-то время. Тебя хозяева у неё видели?

— Нет, ни они меня, ни я их ни разу.

— Вот и замечательно. Пойдём, познакомлю тебя с Яшкой-цыганом.

— С артистом?!

— С тобой не соскучишься. Друга моего Яковом зовут.

Они нашли Яшу возле лошадей. Тот заметил их первым.

— О, Рома, те авен бахтале!

— Здравствуй, друг. Не забыл меня?

— Разве тебя забудешь? У тебя хорошее имя, я слышу его по несколько раз в день. А что за цвёт с тобой?

— Ромашка, наверное.

— Меня зовут Светлана.

— Точно, Светлячок.

И без того огромные глаза Светы расширились. Так называл её только Сергей. Этот цыган чем-то похож на него. Глазами? Нет. У Серёжи они добрые, со смешинками. В Яшиных глазах нельзя было прочесть ничего: бездна, чёрная бездна.

— В океане твоих глаз можно утонуть! — словно угадав размышления Светы, восхитился юноша.

Рома невольно подстегнул его интерес:

— Если б ты видел, как она танцует! Твою Зару перепляшет.

— Зара ничья. За эту зиму повзрослела, ещё краше стала. Не узнаешь. У нас завтра небольшой праздник, цыганская дискотека будет, приходите на нас посмотреть, себя показать.

— Придём.

— Дожить надо, — ответила своему спутнику Света и неожиданно даже для себя направилась к лошадям.

Она остановилась возле белого, с чёрной звёздочкой на лбу, коня. Ей хотелось уткнуться в его гриву лицом, как когда-то дома в подушку, и зареветь. Но она только погладила его по морде и прошептала:

— Если бы ты знал, как мне плохо.

Оба парня опешили. Яков, опасаясь, как бы норовистый Алмаз не лягнул девчонку, поспешил оказаться рядом с ней.

— Ты не боишься лошадей?

— Я первый раз вижу их так близко.

— А мой Алмаз первый раз подпустил к себе незнакомого человека. Хочешь, я прокачу тебя на нём?

Настроение Светы переменялось с минорного на радостное. Она ещё ничего не успела ответить, а Яша поднял её как пушинку и усадил на коня. Ловко запрыгнул в седло и толкнул ногой Алмаза в бок. Они полетели куда-то в простор. В первую минуту Свете вспомнилась поездка с Серёжей на мотоцикле к озеру. Тогда она ехала за его спиной. Сейчас ветер дул ей в лицо. Спиной она ощущала атлас Яшиной рубахи, его горячее, чуть вспотевшее тело и стук его сердца. Весь мир перестал существовать: только они и тёплый встречный ветер.

Рома медленно пошёл к дороге. Возвращаясь, Яша остановил Алмаза в метре от него. Спрыгнул

и подставил руки Светке, предугадав намерение друга.

— Ты что, уже нагостился? Пойдём, отыщем Зару, зайдём в шатёр к её отцу. Он ценит тебя как музыканта. Вы сыграете, мы с Зарой споем.

Света, вновь услышав имя незнакомой девушки, ответила за Рому:

— Мы завтра придём.

12.

На следующий вечер Яша в условленное время ждал друзей у дороги, где вчера расстались. Пока парни обменивались приветствиями, Света угощала коня чуть подсолённой корочкой. Рома пошутил:

— Смотри, Яков, прикормит, уведёт у тебя Алмаза.

— Я бы и сам за такой пошёл, да только не могу, как вы, сидеть на одном месте, — ответил цыган, рассматривая Свету.

Она сегодня попросила у подруг косметики, впервые в жизни подвела брови, накрасила ресницы. Девчонки накрутили на бигуди её отросшие ниже плеч волосы, и теперь воздушные завитки гармонично завершали обворожительный, нежный образ своей хозяйки.

Со стороны табора доносились звуки скрипки, многоголосное пение. Юноши знали, что скоро за этими вынимающую душу песнями последует безудержное веселье, запоют наперебой гитары, зазвенят на груди молодых цыганок монисты, закружатся разноцветные юбки.

— У цыгана пляшут ноги, у цыганки — юбка. Пойдёмте, попробую раздобыть для Светы что-нибудь подходящее, иначе ей Зару не переплясать.

— Я взяла свой костюм.

— Так наряжайся.

— Так отвернитесь.

— Готово!

Парни обернулись. Света стояла, чуть приподняв голову, как на сцене в момент перед поклоном публике.

— Такая девушка должна ехать на коне! Нам с тобой, Рома, выпала честь идти рядом с редкой красавицей!

Так они и появились в таборе: Света на Алмазе, друзья пешие. Там уже звучали совсем другие песни. Полукругом сидели взрослые цыгане: мужчины и женщины. В центре танцевали несколько девушек. Зары среди них не было. Она стояла возле своей бабушки. Старая цыганка, как витрина ювелирного магазина, вся была в золотых украшениях. Роман сразу направился к стоящему у ближайшего шатра пожилому цыгану. Тот оживился, что-то сказал, похлопал юношу по плечу, потом вынес ему гитару. Они вместе вышли в первую линию полукруга. Запели, сливаясь двумя разными голосами, их гитары. Зазвенел бубен, зазывая в круг новых танцовщиц. В центр выбежала Зара,

приостановилась, затем плавно пошла, вцепившись взглядом в Яшу, другие девушки отступили назад. Света прыгнула с коня и, легко пританцовывая, еле касаясь земли, поплыла ей навстречу. Зрители зашумели: кто-то подбадривал танцовщиц, кто-то спрашивал друг у друга про Свету. А для неё исчезло всё: в мире на какое-то время остались она и музыка. Только на последних аккордах она постаралась встретиться взглядом с Яшей. Он восхищённо смотрел на неё, но Света подошла к Роману, с которым оказалась рядом. Яков прямо через круг, мимо Зары, направился к ним. Старая цыганка то ли правда хотела отблагодарить гостью, то ли забирала на себя внимание, выручая внучку.

— Красавица! Подойди, я тебе погадаю, — крикнула она и поманила к себе рукой Светлану. — Я давно живу на свете, думала, меня уже ничто не сможет удивить. Твой танец меня удивил.

Она взяла руку девушки и помрачнела, вроде вспоминая что-то давнее, тяжёлое:

— Глубокая рана твоего сердца ещё не зажила, но уже другой человек заносит бич, чтобы разбить её снова до крови, — потом она что-то сказала по-цыгански, отпустила руку Светы и посмотрела ей в глаза: — Но твоё счастье тебя найдёт.

— Что она сказала до этого, на цыганском? — обратилась Света к Яше.

— А ты почаще приходи к нам, начнёшь понимать всё без переводчика, — ловко ушёл он от ответа.

— Она сказала, что ты зря пришла сюда, — ответила вместо него Зара и ушла в шатёр.

Роман вернул гитару, поблагодарив цыгана и похвалив его инструмент. Затем обратился к другу:

— Проводишь нас? Нам пора.

Яков отозвал его в сторону, похоже, в чём-то убеждал, но друг отрицательно мотал головой, сердился. Они разругались.

Роман взял Свету за руку:

— Пойдём, мне тоже кажется, что я зря привёл тебя сюда.

Они вместе дошли до общежития, не обсуждая нюансы сегодняшнего вечера. Лишь прощаясь, юноша сказал:

— Я больше не пойду в табор, и ты не ходи.

Света промолчала, хотя внутри была готова, по примеру Якова, поссориться с Романом. «Там не появляйся! Сюда не ходи! Ты кто мне, чтобы указывать?! Вот захочу и пойду, спрашивать тебя не буду», — мысленно возражала она ему. Но на следующий день смелости у неё поубавилось.

13.

Началась сессия. Света на «отлично» сдала первый экзамен. Сейчас готовилась к следующему. С утра за книгами, конспектами, а на улице настоящее лето! Сбегали с девчонками в столовую.

После обеда они направились назад в общежитие, а Света пошла прогуляться в скверик, где увидела цыганку, пристающую к прохожим с гадианем. Сама подошла к ней. Цыганка сразу узнала её.

— Что больше не приходишь в табор?

— Некогда, экзаменационная сессия началась.

— Ты где учишься?

— В техникуме. Вон за сквером край нашего общежития виднеется.

— А фамилия у тебя как?

— Смирнова.

— Что ты хотела узнать? Про что погадать тебе?

Свете очень хотелось спросить про Яшу, но она удержалась.

— Погадай, как я сдам следующий экзамен.

— Ты его не сдашь.

— Как это?!

— Так. Нужно сидеть дома и учить, а не гулять.

На этих словах гадалка развернулась и, не прощаясь, пошла заниматься своим ремеслом.

Света вернулась в общежитие, продолжила вместе с подружками готовиться к экзамену. Вечером к ним прибежали девчонки из другой комнаты:

— Смирнова, там тебе под нашими окнами какой-то парень кричит.

«Кто бы это мог быть?» — подумала Света. Она свесилась через подоконник и увидела Яшу. Он тоже увидел её:

— Светлячок. Ме тут камам!

— Я сейчас выйду, — крикнула она и, не чую ног, понеслась по лестнице.

Он уже стоял на крыльце в проёме открытой двери.

— Как ты нашёл меня?!

— Цыганское радио сообщило. Я пришёл за тобой. Будешь брать свой костюм?

— Я сегодня не могу. Завтра экзамен.

— Завтра табор уходит. Я два месяца искал тебя, Светлячок, давай проведём эту ночь вместе у костра.

За городом в небольшом лесочке пасся Алмаз, он прибежал на свист хозяина. Света расстроилась, что не взяла для коня угощение. Яков достал из кармана кусочек сахара:

— Дай ему, он любит.

Алмаз взял с её ладони сахар, очень смешно ел его, шевеля губами, поднимая верхнюю, оголяя крупные зубы.

— Попробуй сама подняться в седло.

У Светы получилось. Яша шёл рядом. Показались шатры, но Алмаз не свернул к ним. Они остановились за табором, тоже у реки, но ниже по течению. Насобирали хвороста, развели костёр. Алмаз пасся неподалёку. Яша достал из сумки, привязанной к седлу, покрывало. Они расстелили его, сидели рядом, смотрели на огонь. Потом он принёс фляжку, сделал несколько глотков сам и подал Светлане. Она с остановками тоже

сделала несколько глотков. Напиток немного обжигал, но был приятным на вкус, отдавал травами и мёдом. По телу растеклось тепло.

— Я вспоминал тебя каждый день, я думал о тебе каждую ночь. Ты была очень красивая в своём костюме, но сегодня ты ещё лучше.

— Чем же я сегодня лучше?

— Ты сейчас похожа на белого пушистого котёнка, которого хочется погладить, прижать к себе.

Яша нежно обнял Светлану. Она первый раз в своей жизни целовалась с парнем. Голова кружилась от вина, поцелуев и чёрных, как ночное небо, глаз цыгана. Только небо над ними было высвечено яркими звёздами, а глаза Яши были как омут, чёрный омут, и Света тонула в нём.

Она проснулась оттого, что замёрзла. От реки тянуло сыростью. Костёр погас. Небо начинало светлеть. Светлана села, обхватила колени руками и мысленно вскрикнула: «Это не сон, это на самом деле произошло со мной. Что теперь будет?!»

— Котёнок, ты что убежала? Иди ко мне, — позвал Яша.

Она молчала. Юноша поднялся, встал за её спиной на колени и обхватил руками, всю укутав в объятиях. От него шло тепло, как от печки.

— В десять экзамен, отвези меня в общежитие.

— Я украду тебя, увезу с собой.

— Куда?

— На край света. А на первой же стоянке табора мы сыграем цыганскую свадьбу.

«Правду мне сказала цыганка: экзамен я не сдам. Нужно было сидеть дома и учить, а не гулять», — грустно подумала Света.

14.

В техникуме Смирнову потеряли. Стали выяснять в общежитии, почему она не явилась на экзамены. Опросив соседок по комнате, вызвали родителей.

А Света уже тряслась в кибитке. Рядом верхом на Алмазе ехал её жених. Остановились, когда впереди показалось очертание селения: маленького городка или большой деревни, — как и на прежнем месте, у реки. По кругу расположили кибитки, в центре разожгли несколько костров, возле которых осталась ночевать под открытым небом половина табора. Яша пришёл в кибитку, сказал, что шатры поставят завтра, а свадьба будет на следующий день.

Ей хотелось в общежитие, постоять под прохладными струями душа, а потом уснуть в своей кровати. Но Яша сжимал её в своих душевных объятиях, обсыпал горячими поцелуями. В эту ночь голова от них не кружилась.

— Больно, — простонала она.

— Потерпи, котёнок, я сейчас, — жарко дыша в лицо, отозвался цыган.

И Света терпела и сейчас, и на следующую ночь, которую они провели уже в шатре. Когда

Яков уснул, она отвернулась и беззвучно заплакала. Вспоминался дом, детская, в которой они выросли с сестрой, и та, другая жизнь. Где, в какой момент она свернула на дорогу печали? Когда пошла с Ромой в табор или когда познакомилась с Ритой? Нет, ещё раньше, когда, обманув родителей, пошла с Любой в парк.

Утром Якова в шатре не было. Света пошла к реке умыться. На обратном пути услышала его голос и чей-то женский. Судя по интонациям, они ругались. За шатром старой цыганки спиной к ней стоял Яша. На него, что-то выкрикивая, как пантера, бросалась Зара. Сейчас она совсем не была похожа на горделивую красавицу: волосы растрёпаны, лицо искажено обидой и злостью. Цыган ловил её за руки и отталкивал, она снова набрасывалась. Никто не обращал внимания на их скандал.

Света возникла перед ними, только что не подбоченясь, и выкрикнула в манере своей мамы:

— Что здесь происходит?

Зара рассмеялась парню в лицо:

— На тебя скоро уздечку наденут и будут стучать белой ножкой в бок.

Яков выхватил из-за пояса плётку. Цыганка увернулась. Чуть отступив, она с издёвкой в голосе что-то быстро говорила ему, притопывая ногой и тыча пальцем в сторону Светланы. Он отвечал Заре на цыганском.

Зажав уши ладонями, Света прокричала:

— Говори при мне по-русски, я не могу слышать ваше карканье!

В этот же момент на её спину опустилась плеть. Зара хохотала, торжествуя победу. Яша бросил плётку и зашагал в сторону своего шатра. Света побежала в противоположном направлении. Она не помнила, как отвязала Алмаза, как поднялась в седло, как и куда направляла его. У дороги конь испугался машины, наездница вылетела из седла. Алмаз поскакал обратно в табор. Её подобрали ехавшие в машине люди и доставили в поселковую больницу.

После осмотра врач констатировал лёгкое сотрясение, множественные ушибы и нервный срыв.

— Повезло тебе, шею не свернула и ничего не отбила, — говорила сопровождающая до палаты Светлану полная пожилая нянечка. — Сейчас к тебе милиционер придёт.

Мужчина в форме вошёл без стука, не подозревался, не представлялся.

— Кто здесь Смирнова? Вижу, внешность соответствует сводке. Ну, рассказывай, как ты оказалась в таборе. Сама с парнем сбежала, или он украл тебя?

— Никто меня не крал, и ни с каким парнем я не сбегала. Я попросилась у цыган пойти с ними, а потом передумала.

— Кого ты выгораживаешь?! Конь вернулся в табор один, но тебя никто не ищет. Они шатры

сворачивают, уходить собираются. Говори сейчас правду. Где я их потом искать буду?!

— Я сказала правду.

— Ну, как знаешь! Твои родители уже едут за тобой. Пусть они и решают, что делать.

Только за сотрудником милиции закрылась дверь, как у Светы началась истерика. После укола она успокоилась, мысль о родителях показалась ей приятной. Но от известия о таборе осталась необъяснимая тоска: не потому, что он собирался неизвестно куда, а потому, что он навсегда уходил из её жизни.

15.

Родителям Света ничего нового не сообщила. Повторяла как попугай:

— Сама с цыганами ушла, никто не принуждал, там никто не обижал, просто одумалась, решила вернуться.

На вопрос: «Откуда шрам на спине?» — отвечала, что это получилось нечаянно. Она была ко всему безразличной, ей было всё равно: оставаться сдавать экзамены или ехать с родителями домой. Родители забрали из техникума её документы.

Дома Света постепенно приходила в себя. Первый раз она улыбнулась не скоро. Как-то утром мама принесла с огорода только что проснувшейся дочери чашку клубники. Восхитительный аромат разлился по комнате. Первые крупные яркие ягоды сами просились в рот. Света не заметила, как умяла всю чашку ягод, но потом её стошнило. «Сразу много съела», — подумала она. Но Валентина забеспокоилась.

— Доченька, ты ведь второй месяц дома живёшь? Я что-то не заметила, чтобы у тебя на белье было.

Света всё поняла, опустила глаза, как-то сразу вся съёжилась. А над головой гремел голос матери:

— Что молчишь? Было или нет?

— Нет, — чуть слышно отозвалась дочь.

— Завтра же пойдём к врачу.

— Я не пойду!

Света крепилась, чтобы не разрыдаться. Не выдержала, заплакала мать.

— Дурёха ты моя, дурёха! Что же ты натворила?!

Успокоившись, Валентина приняла решение:

— Я сначала схожу одна, — и подумала: «Как хорошо, что у меня есть знакомая в гинекологии». Как кстати, что буквально вчера было поступление импортной обуви, договоримся как-нибудь».

Операцию сделали в больнице без оформления документов. Мать наказала дочери всё забыть:

— Кто бы ни спросил, говори, что не понравилась учёба в техникуме. И больше ни слова ни одной подруге!

А подруг у Светы теперь и не было ни по соседству, ни в школе.

На основании справки из техникума и данного Валентиной обещания директору школы — оставить для неё югославские сапожки в магазине — Свету взяли в десятый класс. Она никуда не ходила, про балетную студию не вспоминала, за год не посетила ни одно школьное мероприятие. Люба не узнавала одноклассницу: «Злюка она, оказывается, не может забыть давнего случая в парке. Ну и пусть. Не хочет общаться — не надо».

Колесова многому научилась, когда в восьмом классе общалась со Смирновой и наблюдала уклад её семьи. Она дала себе слово, что не будет жить, как таракан за печкой. Взялась за учёбу, к концу девятого класса вышла в хорошистки и в десятом не ослабляла рвения. Поставила перед собой цель: получить хорошее образование, а в дальнейшем создать крепкую семью.

После школы Колесова и Смирнова поехали по отдельности в областной центр поступать в педагогический институт. Света поступила на филологический, Люба — на факультет физической культуры. Она впервые уехала из дома, поэтому была очень рада увидеть в институте бывшую одноклассницу. Детские обиды улетучились. Они снова стали подружками, несмотря на то что одна была общительная, принимала активное участие в студенческой жизни, а другая была затворницей. Девчонки повзрослели, они допускали, что каждая имеет право на то, что считает правильным. Люба рассказала, как они расстались с Эдиком. Потом делилась секретом, что ей нравится однокурсник, а позже — что он ей надоел. На пятом курсе призналась, что встретила мужчину своей мечты и скоро у них с Вячеславом свадьба.

— Будешь свидетельницей?

— Буду, — не смогла отказать подруге Смирнова.

16.

Гости молодых с обеих сторон познакомились друг с другом, общались, танцевали, шутили. Свидетеля звали Максим. Он был достаточно сдержанным, на его фоне Света не казалась слишком нелюбимой. Ей нравилось, что Максим не кадрился к ней, не старался изо всех сил понравиться, очень увлечённо рассказывал о том, что любил в жизни больше всего, — о море. Он после службы на флоте окончил мореходку и уже несколько раз ходил в заграничье. В настоящее время находился в отпуске, приехал к родителям и попал на свадьбу к бывшему однокласснику.

После свадьбы Люба перешла жить к мужу, но подругу не забывала, делилась впечатлениями от семейной жизни и самой первой сообщила ей радостную новость, пригласила в гости. Света пришла поздравить счастливую чету. Сидели, беседовали, пили чай.

— Как вы всё здорово рассчитали! Люба в сентябре выйдет на работу, ещё ничего не заметно будет.

Потом на лёгкий труд, декретные в кармане, и место учителя физкультуры закреплено за ней по закону.

— Я не пушу Любашу в школу. Постарайтесь устроить её в администрацию, в отдел по работе с молодёжью, или ещё найдём что-нибудь, связанное со спортом, туризмом, отдыхом, — ответил Вячеслав.

— А меня распределят в одну из школ здесь, в городе.

Раздался звонок. Хозяин пошёл открывать дверь. Подруга быстро проинформировала Светлану:

— Вчера приходил Максим, поделился, что скоро уезжает, спрашивал у мужа про тебя. Славик сообщил ему, что ты сегодня обещала прийти.

— Хозяйка, принимай ещё гостя, — донеслось из прихожей.

— Ну вот, видишь, лёгок на помине, — тихонько сказала Люба подруге, а затем отозвалась: — Проходите, мы гостям всегда рады.

Вячеслав открыл вино, сказал тост, явно настроивая Максима на серьёзный разговор со Светой:

— Хочу выпить за своего друга, за то, чтобы не далее как в январе следующего года погулять на его свадьбе. Можно было бы и раньше, но Макс через неделю уходит в плавание на восемь месяцев. За тебя, друг.

— Спасибо. А я хочу поднять этот бокал за тех, кто ждёт моряков на берегу.

Мужчины соединили фужеры, девушки стукнулись чайными чашками. Ещё немного посидели, и Света засобиралась уходить. Максим поднялся следом. Он проводил её до общежития. Дорогой они о многом поговорили.

— Светлана, ты будешь ждать меня?

— У меня никого нет и вряд ли появится, но обещать я ничего не буду. Нужно закончить учёбу, поработать, почувствовать себя в профессии. Я ни о чём другом сейчас думать не могу.

Они расстались.

Света окончила институт. Наступил сентябрь. Она преподавала русский и литературу в параллели пятых-шестых классов. Никаких известий ни она, ни Вячеслав с Любой от Максима не получали. До Нового года у друзей родился первенец. Света поздравляла, улыбалась, но на сердце была непонятная грусть.

В школе шли новогодние мероприятия. Она решила зайти в актовый зал на утренник к первоклашкам. Дети водили вокруг ёлки хоровод. По стеночкам толпились родители, любясь каждый своим сокровищем. Песня про маленькую ёлочку закончилась.

— Дедушка! Сегодня у Светы Кодряну день рождения, — громко сказала Снегурочка и подвела к ёлке девочку в костюме Мальвины, — она приготовила для нас песенку.

— Давайте, ребята, поздравим Свету и послушаем, как она поёт, — отозвался Дед.

Школьный аккомпаниатор снова растянул баян, девочка запела звонким голоском, старательно выводя мелодию. Но вдруг запнулась, забыла слова, её чёрные, как две смородинки, глаза наполнились слезами. Не слушая подсказку Снегурочки, девочка побежала к родителям. Уткнулась огромным бантом маме в подол и горько заплакала. Папа гладил её по локонам, совсем не думая, что может испортить причёску Мальвины, и успокаивал:

— Светлячок, ну ты что?! Не реви, котик, ты отлично пела.

Светлана Николаевна Смирнова вышла из зала. Через четыре дня Новый год, а настроения

никакого. Она медленно шла по пустому коридору. Отвернувшись к окну, напротив кабинета русского языка и литературы стоял мужчина. Услышав стук каблучков, он обернулся и шагнул навстречу. На его лице была маска Деда Мороза из папье-маше с прорезями для глаз и рта. В левой руке он держал цветы, а на ладони правой — открытую коробочку с кольцом.

— Будьте моей Снегурочкой, — сказала маска голосом Максима.

Света улыбнулась.

— Ваше предложение как нельзя кстати: у меня дома наряжена ёлка, есть шампанское и апельсины, не хватает только Деда Мороза.